

С. Г. Маслинская

ORCID: 0000-0001-7911-4323

✉ braunknopf@gmail.com

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)*

СМЕРТЬ И УТОПИЯ, ИЛИ НЕИЗБЕЖНЫЙ ПУТЬ К РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЮ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Рецензия на: Соколова А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. — М.: Нов. лит. обозрение, 2022. — 436 с.: ил. — (Studia religiosa).

Для цитирования: Маслинская С. Г. Смерть и утопия, или Неизбежный путь к расчеловечиванию «нового человека» // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 340–345. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-340-345>.

*Рецензия поступила в редакцию 20 июля 2022 г.
Принято к печати 24 июля 2022 г.*

S. G. Maslinskaya

ORCID: 0000-0001-7911-4323

✉ braunknopf@gmail.com

*Institute of Russian Literature (The Pushkin House),
Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)*

DEATH AND UTOPIA, OR THE INEVITABLE PATH TO DEHUMANIZATION OF THE “NEW MAN”

A review of: Sokolova, A. (2022). *Novomu cheloveku — novaia smert'?* Pokhoronnaia kul'tura rannego SSSR [A new death for the new man? Funeral culture of the early USSR]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 436 p. (Ser. *Studia religiosa*). (In Russian).

To cite this review: Maslinskaya, S. G. (2022). Death and utopia, or The inevitable path to dehumanization of the “new man”. *Shagi / Steps*, 8(3), 340–345. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-340-345>. (In Russian).

*Received July 20, 2022
Accepted July 24, 2022*

Понятие *новый человек*, фигурирующее в названии рецензируемой книги Анны Соколовой, было в ходу в 1920-е годы. Впрочем, *новые люди* возникали в общественном дискурсе с завидной регулярностью в различных исторических обстоятельствах. Каждый раз за этим стояли попытки интеллектуалов обозначить некие существующие или чаемые переломы и разрывы в социуме, указать на ожидания, что «старое» сменится «новым».

Обращение к изучению похоронной культуры — области в высшей степени консервативной и традиционной — задача, требующая довольно четкого понимания, какие факторы будут отнесены исследователем к «новым», какие к «старым», кроме того, приходится учитывать континуальность любых повседневных норм и практик. Основную цель своей монографии автор видит в исследовании «нормативных практик обращения с мертвыми телами» (с. 26) в городской среде 1920-х годов, а основной фокус — в изменении этих практик. В книге убедительно продемонстрировано, что все новое основывалось на старых погребальных нормах и практиках, которые подвергались трансфигурации и/или хотя бы символическому перекодированию (похороны — «красные похороны»). Возможно ли новое в такой сфере человеческой жизни, которая столь традиционна? В каком отношении те или иные практики все-таки могут быть атрибутированы как новые?

Чтобы ответить на эти вопросы, автор во введении дает небольшой экскурс в историю норм и практик погребальной обрядности в Российской империи до 1917 г. Организация кладбищенского пространства, государственное регулирование похоронного дела в области законотворчества, разделение сфер ответственности между церковными и гражданскими властями, между муниципальными и частными службами организации похорон, накопившиеся противоречия в ведении погребальных процедур — все эти элементы показаны как предпосылки к реформированию похоронной культуры уже после революции. Речь идет о фундаментальных, а не косметических трансформациях, а именно о секуляризации похоронного дела, о выведении похоронных процедур из-под юрисдикции Церкви. В книге приводятся убедительные факты неразрывности многих процессов социального и экономического реформирования похоронного дела. В этом случае (как и во многих других) вклад большевиков в «обновление» погребальной обрядности не стоит преувеличивать.

В то же время медленно и неуклонно разворачивающееся реформирование похоронного дела получает радикальный толчок сразу после Октябрьской революции. Впрочем, этот толчок не ускорил процесс реформ, а, напротив, остановил их, ввергнув в сумятицу разрухи и административного распада первых лет советской власти. Уже к середине 1930-х похоронное дело окончательно «выпадет из системы государственного обеспечения и регулирования» (с. 58). Неудачи нового советского государства в реформировании похоронного дела и даже утрата сложившихся накануне революции более сбалансированных форм секуляризованных похорон — одно из самых любопытных открытий автора.

Интересный сравнительный кейс составляет реформа просвещения, которая проходила в те же 1920-е годы параллельно с новациями в погребальной обрядности. Реформы просвещения также были тесно увязаны с идеями о взращивании «нового человека», как молодого, так и повзрослевшего ([Holmes 1991; Балашов 2003; Новиков 2004] и мн. др.). Трансформации общеобразовательной школы в 1920-е годы выглядели не менее впечатляюще, чем бурное развитие кремационного дела в те же годы. Школьное дело было

реформировано самым радикальным образом: отменены классно-урочная и оценочная система, стабильные учебники, субординация между учениками и учителями, домашние задания; введены бригадный подход и метод проектов и т. д. При этом в момент резкого возврата к исходной точке (см. Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 25 августа 1931 г.) советская школа на всех уровнях организации и быта стремительно вернулась в дореволюционное прошлое: буквально за один-два года была реставрирована классно-урочная система, налажено государственное регулирование школьного дела, предусмотрен муниципальный вклад в обеспечение школьного быта, разработаны и напечатаны стабильные учебники к новой предметной сетке обучения и т. д. Теория «отмирания школы» была признана антиленинской, а обновление советской школы прочно связано с возвращением к дореволюционным нормам и практикам.

Тем временем «отмирание» дореволюционной похоронной культуры состоялось. Действительно, реставрация образовательной системы имперской России была осуществлена в течение нескольких лет в начале 1930-х годов, почему тогда не было аналогичной реставрации в похоронном деле? Если воспитание нового советского ребенка оказалось возможным в старых дореволюционных формах, то почему старые похоронные процедуры оказались неприемлемы к новым советским мертвым телам?

Как полагает Анна Соколова, новые идеи о смерти и новая риторика моральности служили важным вкладом в разрушение трещавшей по швам старой экономической модели похорон: «...для нового человека в том новом мире, который строится после революции, место для смерти было вообще не предусмотрено» (с. 59). Если развить эту идею, то можно предположить, что решающее влияние на аннигиляцию старых форм погребальной обрядности оказала не разрушительная механика реформ 1920-х годов (которым посвящена основная часть монографии), а система идей о смерти, которая как раковая опухоль задушила все худо-бедно функционировавшее похоронное дело 1920-х годов. При этом автор ограничивается самой общей характеристикой этих идей, не вдаваясь в подробности. Тем самым важнейший и интереснейший тезис книги остается без достаточной аргументации.

Социально-утопические проекты 1920-х годов не возникли на пустом месте, они наследовали отечественной интеллектуальной традиции размышлений о смерти и бессмертии, об омоложении и воскрешении мертвых. Автор лишь вскользь пишет о культе здорового тела, приводя в качестве примера дискурс о физкультурниках. Но физкультурники (см. с. 60) — это проект 1930-х годов, а в 1920-е важным концептуальным контекстом было именно преодоление или отдаление смерти, продление срока жизни, которое осуществлялось в медико-физиологических экспериментах (ср. переливание крови в экспериментах А. А. Богданова). Как кажется, включение теорий физического и культурного обновления, широко циркулирующих в кругах Пролеткульта (прежде всего идей А. А. Богданова), равно как и их более отдаленных предшественников (религиозная биотехника Н. Ф. Федорова) позволило бы высветить контексты формирования в широком общественном сознании идеи попрания смерти, отказа признавать ее наличие, преодоления индивидуальной смерти в коллективной памяти. Как пишет Анна Соколова, «...советская утопия полностью исключала надделение смерти не только позитивным, но и каким-либо вообще смыслом» (с. 64). Эта десемантизация смерти и привела к тому, что в 1930-е

годы похоронная культура окончательно редуцировалась и аннигилировалась в общественном городском пространстве: практически «невидимыми» похоронные практики стали тогда, когда вывоз тел начал осуществляться по ночам, а трупы хранили не дома, а в муниципальных моргах. Однако остается неясным, какие концептуальные основания, какие теории смерти/бессмертия легли в основу этого авангардистского проекта по вытеснению смертности.

Впрочем, основным содержанием книги стала все-таки не история идей о смерти, а социальная история похоронных практик. Они детально показаны в самых разных отношениях. Гражданские похороны, сложившиеся во второй половине XIX в., после революции стали экспериментальной площадкой как для выработки ритуального оформления смерти («красные похороны» на традиционных кладбищах), так и для реструктурирования городского пространства за счет появления коллективных и индивидуальных захоронений в общественных пространствах городов (некрополи Марсова поля, Кремлевской стены и т. п.). Поиски новых похоронных форм разнообразны: от захоронения мертвых тел на городских площадях до увлечения идеями кремации. Новомодный способ утилизации трупов, с одной стороны, позволил развить новые решения с захоронением в Кремлевской стене, а с другой — ставить вопросы о санитарно-гигиенической и экономической выгоде этого способа похорон. Анна Соколова помещает отечественные поиски новой смертельной практики в широкий контекст «европейского вектора развития кремации» (с. 260), в том числе и в части создания добровольных кремационных обществ для пропаганды и легитимации этого способа обращения с мертвым телом (с. 261–262). Неуспешность «кремационного проекта» в Советской России автор связывает с отсутствием управленческих и финансовых полномочий у инициаторов и разработчиков проектов первых крематориев, строителей помещений и организаторов технологических процессов. При этом строительство крематориев в Москве и Петрограде/Ленинграде демонстрирует разницу в подходах к вписыванию новых объектов в городскую среду. Если для Москвы важнейшей предпосылкой и установкой создания крематориев была антирелигиозная направленность кремации, и поэтому под крематории приспособляли здания Донского монастыря, то в Петрограде попытки построить крематорий в Александро-Невской лавре не имели успеха, и под крематории приспособлялись малозначительные объекты городской инфраструктуры (бани), либо строительство крематория планировалось осуществить на окраине, а архитектурные проекты становились поводом для самых смелых футуристических фантазий и трансформации городской некрогеографии.

Детально выписанная в книге история архитектурных, экономических и политических решений «кремационного проекта» 1920-х годов, к сожалению, не всегда четко логически выстроена. После обширного раздела о проектах 1919 г. ленинградского Крематориума-Храма (с. 236–242) автор, в другой главе рассматривая новую попытку строительства в 1927 г. крематория в Ленинграде, пишет о том, как ленинградские активисты кремационного дела обратились к москвичам с просьбой о консультации, так как снова собрались осуществить строительство городского крематория (с. 344). Однако как связаны были инициаторы 1919 и 1927 гг., остается неясным. Были ли это разные люди? Дело обустройства городского крематория в Ленинграде не замирало, в 1920 г. был построен пробный крематорий на Камской улице, вскоре законсервированный. В целом не всегда понятно, как устроители тех или иные похоронных инициа-

тив были связаны между собой, и не только в межстоличном диалоге, но и внутри конкретного городского сообщества и властной структуры.

Так, остается неясным, как Общество распространения и развития идей кремации (ОРРИК) было связано с «первым профессиональным объединением работников похоронной сферы» (с. 288), существовала ли преемственность между этими организациями? Профсоюз работников похоронного дела возник в 1905 г., а в Петрограде был еще «союз могильщиков и кладбищенских сторожей» (с. 288), как эти профессиональные организации реагировали на нововведения в похоронном деле? Влились ли бунтовавшие против причта Ваганьковского кладбища в 1914 г. работники оного в новые структуры? Человеческий фактор в какой-то мере учтен: названы имена архитекторов крематориев, инженеров, входивших в комиссии, но нет попытки охарактеризовать связи представителей старого и нового порядка. Пожалуй, при обилии фактов участия тех или иных институций и персон в обустройстве похоронного дела в книге не хватает описания синтагматических связей прежних дореволюционных ведомственных и общественно-профессиональных групп с новыми агентами похоронной инфраструктуры, не хватает развернутых примеров, касающихся профессионалов похоронного труда (или групп профессионалов) и их преемственности или разрыва с предыдущим этапом функционирования похоронного дела. В попытке выстроить повествование вокруг проекта реорганизации собственно творцы оного заслонены в книге институциональными ширмами, а персональные данные скрыты за аббревиатурами архивных источников. Между тем крупные решения и малые затеи на «кладбищенских местах» осуществлялись конкретными людьми, обладавшими определенным социально-возрастным и идеологическим профилем и, соответственно, имевшими свои частные интересы и выгоды. Этой информации на страницах книги мало (та, что есть, распадается на микрокейсы, связать их воедино читателю непросто), а она могла бы «оживить» монументальную картину реформ похоронного дела.

Личностное измерение парадоксальным образом уже к середине 1930-х годов стало определяющим в вопросе, кто был достоин публичной процедуры прощания и поминовения и кому это было недоступно. Ту же идею уже высказывали ранее Н. Б. Лебина и В. С. Измозик, характеризуя проблему «большевики и смерть» (название раздела их монографии [Измозик, Лебина 2010: 49]), что только укрепляет уверенность в том, что тезис, заявленный и в новой монографии Анны Соколовой, надежный. Действительно, сложилась «практика двухуровневых советских похорон» (с. 371), при которой выдающиеся деятели удостаивались величественных похоронных процессий, публичных в масштабе города, и заметного в городском пространстве места упокоения — у Кремлевской стены или на престижных городских кладбищах в черте города. Напротив, похороны рядовых граждан элиминировались из городского публичного пространства, тем самым происходило «вытеснение “рядовой” смерти» (с. 390).

Книга заставляет задуматься о том, что «решение непростых вопросов, связанных с погребением близких родственников, (...) стало важнейшим опытом, сформировавшим современное российское общество не в меньшей степени, чем миллионы смертей насильственных» (с. 26). Только историческая личность имеет право на публичные похороны, массовый советский человек таких прав не имеет. Учитывая полемическую заостренность этого тезиса автора книги, приходится признать, что вытеснение частного

и индивидуального (в том числе и частных похорон) способствовало нормализации антигуманного подхода к (умершему) человеку.

Утопический проект по десемантизации смерти, по выведению частных похоронных практик из поля общественного наблюдения — это «неизбежный путь» (девиз проекта первого крематория в Александро-Невской лавре (И. А. Фомин)) к расчеловечиванию нового советского человека. Отчуждение людей от индивидуальных процедур прощания с умершими и их поминовения может интерпретироваться как часть единого механизма по отчуждению советского человека от ответственности за своих умерших близких и себя, еще живущего.

Литература

- Балашов 2003 — *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Измозик, Лебина 2010 — *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб.: Крига, 2010.
- Новиков 2004 — *Новиков С. Т.* Воспитание российской молодежи в первой трети XX в.: концептуальные поиски в социокультурном контексте. Волгоград: Издатель, 2004.
- Holmes 1991 — *Holmes L. E.* The Kremlin and the schoolhouse: Reforming education in Soviet Russia, 1917–1931. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1991.

References

- Balashov, E. M. (2003). *Shkola v rossiiskom obshchestve 1917–1927 gg. Stanovlenie “novogo cheloveka”* [School in Russian society 1917–1927: Formation of the “new man”]. Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Holmes, L. E. (1991). *The Kremlin and the schoolhouse: Reforming education in Soviet Russia, 1917–1931*. Indiana Univ. Press.
- Izmozik, V. S., & Leбина, N. B. (2010). *Peterburg sovetskii: “novyi chelovek” v starom prostanstve. 1920–1930-e gody* [Soviet Petersburg: “The new man” in the old space]. Kriga. (In Russian).
- Novikov, S. T. (2004). *Vospitanie rossiiskoi molodezhi v pervoi treti XX v.: kontseptual’nye poiski v sotsiokul’turnom kontekste* [Education of Russian youth in the first third of the 20th century: Conceptual searches in the socio-cultural context]. Izdatel’. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Светлана Геннадьевна Маслинская
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Институт
русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д. 4
Тел.: + 7 (812) 328-19-01
✉ braunknopf@gmail.com

Information about the author

Svetlana G. Maslinskaya
Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Research Center
for Russian Children’s Literature, Institute
of Russian Literature (Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, St. Petersburg, Makarov
Emb., 4
Tel.: +7 (812) 328-19-01
✉ braunknopf@gmail.com